Надежда Павлович

БЕРЕГ

ПЕТЕРБУРГ
1922

Для издательства „**Неопалимая Купина**“
отпечатано в январе 1922 г. типографией
„Светоч“. Марка издательства и обложка
работы **Александра Божерянова.**

Р. В. Ц. 1000 экземпляров.

Надежда Павлович

БЕРЕГ

ПЕТЕРБУРГ
1922

Весь горизонт в огне—и ясен
нестерпимо,
И молча, жду—тоскуя и любя.

Александр Блок

I.

Ты возникаешь предо мной,
О, муза, ангел мой убогий,
И пыль клубится по дороге,
И ветер ходит вышиной...

Но кто поймет очарованье
Твоих по-детски крупных рук
И складку губ, таящих звук
Неисцелимого страданья?

1914—1921.

Русь! Чужая чужениика я
Пришла и греюсь у твоей груди,
Скажи, какою тропинкою
Мне всю тебя исходить?

Если б странницей твоей убогою,
Не оглядываясь никогда назад,
Мне пройти потаенной дорогою
В заповедный твой Китеж—град!

Ведь ты вся выростаешь, Россия,
Не в Кремле златоглавом Москвы
И не там, где гранитные выи
Наклонили мосты Невы,

Ты молчишь и горишь, не сгорая,
Там, где Китеж в глубинах спит,
Где пугливая выпь пролетает
И над озером мертвым кричит.

1918.

Снова жег мне чей то взор затылок,
Снова холод подымался со спины,
Ангел огромный, грознокрылый
Встал в снопе голубизны.

Мир раз'ят, а умереть не смею,
Потолок качнулся и поплыл...
Только веет, веет, пламенеет
Шелест ширящихся крыл.

Где слова, чтобы сказать Такому:
Лучезарный, Он слепит меня!
И душа пылает, как солома,
В вихре Божьего огня.

1918.

Данков.

Н. С. Л.

Данков и Дон, и мост на нем дрожащий,
Убогий строй далеких огоньков,
И тяжкий ход нависших облаков,
Вороний грай над городом летящий,
И падающий звон колоколов,
О, как ты памятен, мучительный Данков!
Ты город ветхих снов, ты сам ненастоящий!

Твои ворота кладбище; за ним
Гроба домов, базара голос грубый,
А на вратах прижал раскрашенные губы
К свирели сломанной уродец херувим.
И черных крыш обветренные трубы
Тяжелый, черный выдыхают дым....
. . . . . .
И в этом городе ты мною был любим.

1918

Извечную печаль таит в себе природа,
О, смуглый лик луны над вырезом дерев
И звезд едва мерцающий посев
На черноземе тучном небосвода,

И белый камень в серебре полей,
Невыразимые таящий думы,
И моря шум тревожный и угрюмый,
И слезы на листве упругой тополей!

И, если ветерка проносится дыханье,
Как эхо музыки незримых сфер,
Лишь призрачный господствует размер
Над хаосом неясным содроганья.

И музыка сама — не есть ли только звук
Косноязычных слов, невоплотимых мук
Первоначального молчанья?

1918.

К р е м л ь.

От времени ржавых седин Кремля
Нет! Не забуду!
Боль мою звоном своим утоля,
Высился розовый Чудов.

Площадь пустынная в очи
Металась, в окно Совнаркома,
Красноармеец, рабочий
Под флагом алым у Царского Дома.

Кремль мой! Брат мой!
С тобой я меняюсь крестами,
К камням твоим приникаю
Сухими устами.....

Медный, осмиконечный
Лег неизбывной, русской моею судьбою,
Маленький мой, золотой
— Над часовней твоей голубою.

1918.

У памятника Гоголя.

Молчи! Молчи, мой черный Гоголь!
Спины тебе не разогнуть!
Смеялся ты и плакал много ль,
Российский измеряя путь?

Какой мечтою сердце мучишь,
В какой дали ты видишь сон,
Когда летит от сизой тучи
Московский перекрестный звон?

Когда учебною стрельбою
В комки горячий воздух сбит
И вздрагивает под тобою
Пустынной площади гранит,

Все сумрачней, все безлюбовней
Следишь ты нашей жизни дым,—
На ведовской твоей жаровне
Мы, души мертвые, горим.

Осыпается в синь сирень;
Над весной отходящею сонь.
За околицами деревень
Зацветет купальский огонь.
И его забывает Бог
И не видит его человек
Перекрестками русских дорог
Над излуками скрытых рек.
Лишь русалка ночная блюдет,
Как из глинистых вязких пут
Прорастает огненный рот
И глаза золотые жгут,
И лягушечьи лапы вкривь,
И змеею зеленою бровь:....
. . . . . .
Брат... Петрусю мой... Кровь!

1920.

Вячеславу Иванову.

Под небом Италии неколебимым,
Учитель милый, не забудь,
Как рвется в высь Кремля израненного грудь,
Как все заволокло багрово-синим дымом.

И звуки Дантовских торжественных терцин
Не заглушат напева русской речи,
И в Дантовом аду не те ли ветер мечет
Листы, что кружатся среди степных равнин.

Под небом Италии расплавленно синим
Студеную дрему северных рек
Вспомни!—и льды мы родные раздвинем
И будет солнце в черной заре.

Блистают средь ада врата исхода.
Непрочен мятелей холодный покров,
Прекрасней волны Средиземной гул ледохода,
И воздушная сеть облаков.

1290.

Летний сад.

Петрово диво! Под снегами
Уснуло непробудно ты,
Висят чугунные мосты
И глухо не гремят цепями.

Дерев оледенелый бег
И вазы финского гранита,
Здесь буря жизни позабыта,
Стихает день; слетает снег.

Смотри, хозяин твой державный
Проходит снова по утру,
И снова город своенравный
Застыл, робеет на смотру.

И смотр жесток: дубинка свищет
И бьет по согнутым плечам,
Иль это вихрь внезапный рыщет
По опустелым берегам?

Иль это лед Нева взломала
И Летний сад шумит, как встарь?
И удаляется усталой,
Тревожной тенью государь...

1921.

М. К. Неслуховской.

Петербургу быть пусту.

Ломают дом, а день совсем пустой;
Желтеет небо над скелетом крыши,
И ветер северный свободно дышит
Над городом, мостом и надо мной.
Не жаль разрушенного пепелища,
И весел стук упорный топоров,
Как будто дик нам строгий строй домов,
Как будто вновь волками мы зарыщем
В родных полях, и снова ветр и снег
Замедлят наш голодный хищный бег.
Мы—граждане покинутого града,
И дикий, древний нам приснился сон.
Напрасно над высокою оградой
Блестящий шпиль и ангел вознесен!
Здесь городу не быть и мордою звериной
Болото Финское оскалилось, глядит.
Пройдут века, и пристаней гранит
В глубокие осядет котловины,
И волчий вой, дремучий долгий вой
Над развороченной раздастся мостовой.

1921.

Берегом, берегом, с разбегу,
Туда, где в буране ослепли дома,
Где в день и в поле осыпается снегом
Зимних дерев буревая кутерьма!
В домике старого лесничего
Жарко топят печь.
От говора огня, как от говора птичьего
Ни ходить, ни сесть, ни лечь.
И поет огонь
О том,
Что метельный конь
За окном.
На узде коня
Алая звезда,
Что уедешь среди дня,
Не вернешься никогда.

И куда уносит конь
Нам не знать,
Только мертвую ладонь
Кто-то будет целовать,
Только кто-то пропоет:
«Упокой».
Только путь наш заметет
Снегом и тоской....
В домике старого лесничего
В очаге одна зола,
У окошка его нищего
Снеговая дышит мгла.
Конь далеко ускакал.
Кто уехал—тот пропал.

II.

Обветренный и загорелый, как матрос...
Но голос близок мне глухой и странный,
А там, над городом в сиянье бездыханном
Слетают лепестки спаленных роз.

По набережной прохожу. Вода
Не дышит; корабли уснули;
Такою тишиной об'емлемы в июле
Пустынные большие города.

Любовь моя! Не ты ли жаром тайным
Заре вечерней помешала отгореть,
И долго ей лучистой и безкрайной
Томиться, осыпаться и звенеть...

И песен моих звон иль это звон зари,
Иль крови звон в ушах моих неистов,
И отголосок пароходных свистов
О тайном моем счастье говорит.

И все, что с детства звучало и снилось,
Из темных глубин проросло,
Под этой зарей безначальной забилось
Огромным звенящим крылом.

Над призраком Зимней канавки, где Герман, где Лиза,
Под аркой, где в прорезь блеснула Нева,
Как зов нестерпимый, и ласка, и холод, и вызов,
Знакомых стихов твоих хлынули в душу слова....

И белый, уснувший корабль в белой мертвой ночи Петрограда
Без дыма, без шума матросов, на крепких цепях якорей,
И крылья звенят, или крыльев мне больше не надо
На этой летящей заре!...

Судьбе, душа, не прекословь,
Боролась с нею ты не мало.
Огромным зимним солнцем встала
Последняя моя любовь.
И льды молчат, молчит она,
Но в блеске все необозримом;
Морозным паром, светлым дымом
Вдали курится тишина.

По силам мне любовь моя; другой
Счастливой пусть и нежной, мне не надо.
Моя любовь сурова, как суров
Мой север обнищалый и голодный,
Как серая, косматая река,
Что под мосты волчицей убегает.
И просто я смотрю в твои большие,
Угрюмые и страстные глаза,
И две судьбы за нашими плечами
Перекликаются, как сосны на горе.

Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою,
Ты с каждой зарею бледней;
Я в поле пустынном березой стою,
Вся в шопоте смутном ветвей;

Ты бился и падал и снова вставал
Под ломкие звоны меча;
Над камнем горючим мой ствол просиял,
Как белая Божья свеча.

И милых на помощь ты звал, но они
В пустыню не знали путей,
Лишь в листьях моих загорались огни
Над трудной судьбою твоей.

Под ветром ложатся в степи ковыли
И звоном встречают зарю.
Я знаю, что на смерть ты бьешься вдали,
Что на смерть я в поле горю.

Спишь с открытыми глазами,
Неподвижен слепнущий твой взгляд,
И поет, и плачется над нами
Красной птицей налетающий закат.

Или эти песни только снятся
И моя любовь?
Но лучи порхают и кружатся
И живая каплет кровь.

Что с тобой мне и с любовью делать,
С трудною моей?
Непробудно спишь и сердце онемело
Много, много дней.

Если разбудить я не сумею,
Что ж! Прости!
Ты, душа, тоскуя и немея,
В тот закат лети...

•

Книга о тихом Китеже граде.
В углу Богоматерь блистает над нами,
А в мертвом, в потерянном, в слепнувшем взгляде
Все тоже родное и темное пламя.....
И снится, и снится, и бродит по дому тревога...
Куда мне бежать, дорогие, ослепшие очи!
Далеко от мира и даже далеко от Бога
Дыханье вьюжной серебряной ночи.

Поставь свечу перед Казанской
И больше сердца не тревожь!
А помнишь ночь, напев цыганский,
Боль, отвращенье, скуку, ложь?

Но чистотою негасимой
Сияют первые снега;
Морозные ложатся дымы
На скованные берега.

И все прошло. Лишь в темной церкви
Мерцает малый огонек,
Лишь черные осыпал ветви
Уже не тающий снежок.

Гори, свеча,—моей молитвой,
Гори, пока достанет сил,
Чтоб милый друг пред поздней битвой
Свою тревогу погасил...

Запомнить все, отметить и сберечь
До часа смертного даруй мне силы!
Обветренный твой город и унылый
И капель дождевых глухую речь,
И вечера, когда домой
Иду усталая от заседаний,
И профиль спутника, прорезанный в тумане...
О, час единственный и добрый мой!
Рабочего костра мерцанье взмыло...
Лети, душа, погасни и усни!
Но все, что пела я и полюбила,
Для вечных снов мне, память, сохрани!

Мороз разбойник хозяин здесь...
Плотнее окна свои завесь,
Чтоб мертвый холод не подул
От черных улиц, от белых скул!..
Мне в эту ночь который раз
Не отвести усталых глаз
От светлой полоски в твоем окне,
В тяжелом, в тихом, в глухом сукне!..

Недобрая ночь с недоброй тоской;
Косматое небо встает над рекой,
И бродит, и стонет, и свищет мороз;
По пояс Исакий в сугробы врос.
И черным комком у церковных плит
Лежишь ты, жизнью и Богом убит.
Твоя чистота никому не нужна,
И песня твоя никому не слышна,
Да верно и не было той чистоты,
А песни своей не запомнишь и ты.

Все снится мне за мглою влажной
Неугомонный пестрый бал,
Гирляндой яркой роз бумажных
Разубранный убого зал,

И профиль чистый и суровый
И капюшона полукруг,
А там над вьюгой, снова, снова
Колонна, ангел, крест и звук...

И звук летит, и сердце радо
Его понять, его найти
За пестрой вьюгой маскарада,
За долгим холодом пути.

И звезды все те же над домом твоим,
И месяц глядит — нелюдим,
Твой старый товарищ, твой белый двойник,
Как в старые годы к окошку приник.

И помню я, кажется, тысячу лет
И путь мой, и месяца свет,
И светлую пропасть открытых ворот,
И голос, что хмуро меня позовет.

Пусть годы, как белые свечи, сгорят,
Разрушится дом и слова отзвучат,
Я вижу в грядущих, в безвестных мирах
Все то же окошко в холодных лучах.

Морской холодный, мокрый ветер
И жалобный прозрачный звук...
Не приподнять тяжелых рук
И не проснуться на разсвете...

Такой ли снилась смерть тебе?
Пустынный город, вечер темный,
И там, на площади огромной,
Грозящий ангел на столбе...

Легла крестом по небу туча,
Дохнула холодом Нева;
Душа,—она была певуча,
Но вот забыла все слова.

В пролетах моста Биржевого
Меня тревога стережет;
Октябрьский ветер снова, снова
О страшной участи поет.

Кто на мосту сломал перила?
Прохожий, буря иль судьба?
Или возстаньем проходила
Разнузданная голытьба?

Иль ангел добрый приготовил
Удобный, быстрый переход?
Немного слез, ни капли крови,
И боль пройдет, и жизнь пройдет.

И день прошел, и ночь близка,
А за делами суеты
Все та же сонная тоска
И небо серое и ты...

Прост и тяжел твой груз, любовь!
(А помнишь, как шумят крыла?)
Молчи, смирись, не прекословь,
Да поскорей сгорай до тла!

Чужему горю не помочь,
Свое не сможешь извести...
Куда брести
В сырую ночь?

Все, что любила, позабыла;
Все крупным снегом занесло:
Моста чугунные перила,
Дворца багровое крыло.

Иду, а снег слепит мне очи...
Все позабыть и все простить....
Но мертвый холод этой ночи
Кто мне поможет пережить?

Уснут и муки и восторги,
И сердце отдохнет мое:
Простер над городом Георгий
Тяжеловесное копье.

Уже слетает ветер брани
На шпиль, на крепость и мосты,
Туман клубится, но в тумане
Со мной не будешь рядом ты.

Сквозь гик толпы, стрельбу, смятенье,
Сквозь человеческую кровь,
Ясней твое прикосновенье,
Прозрачней голос твой, любовь!

И, пулей сражена случайной,
Господним даром данной мне,
Я вновь увижу лик твой тайный
И небо севера в огне.

Когда бы гневом и укором
Меня твой голос опалил,
Когда б суровым приговором
Ты путь неправый заклеймил,—

И в этой муке униженья
Сиял бы твой прекрасный лик
Таким, как в полночи виденья
Он неожиданно возник.

Теперь, средь пошлости печальной,
Я прежних черт не узнаю,
Но образ твой первоначальный
Усмешкой я не оскорблю.

Лети, лети же легкой тенью,
Неуследимою звездой,
И только в буре сновиденья,
Мой друг, явись передо мной!

О. Д. Форш.

Покой и труд. Безумия страстей
Великопостный день не знает,
И белым голубем над родиной моей
Высокий, чистый звук слетает.

А небо все в серебряном огне,
А небо все в таком простом сиянье,
Что стыдно тосковать и плакать мне
И даже помнить о страданье...

Прямая улица; заря вдали;
А там в полях курлычат журавли,
Пора прилета их настала;
Давно, давно в полях я не бывала...

И жизни прожитой я подвожу итоги:
Ложатся чередой печали и тревоги,
И радости; все память мне сочтет:
И дни зимы, и вешний перелет.

Но нестрашна мне счета безнадежность,
Пускай усталость в нем и старческая нежность,
За счастье заплатила я сполна,
И на сердце покой и тишина.

Осталось небо мне и зорь движенье,
И журавлей таинственное пенье,
И в шопоте пред'утреннем ольхи
Неуловимые и нежные стихи.

Все, как в детстве, как бывало:
Ускользает облак алый
Тихо за полем пустым
В предзакатный сизый дым.

Ни березки; лишь далече
Голубой ложится вечер
На чернеющие пни,
И в дому зажгли огни.

Свет мой в поле закатился
Белым камнем при пути...
Как же мне его найти?
Или ветер заклубился?

Иль глаза мне есть роса?
Но за мглой весенней ночи
Дней бывалых блещут очи,
Раздаются голоса.

Про Летний сад с улыбкой он сказал,
Что показать его мне надо...
Тогда шелками листопада
Сентябрь шуршал.

Теперь июнь; но тот, кто на мгновенье
Заботливо подумал обо мне,
Не промелькнет в зеленой глубине
Усталой тенью.

Всю долгую ночь я брожу кругом;
Стоит, не шатнется старый дом,
И над самой рекою есть окно;
В воде темно и в окне темно.
Оно черней самых черных рек:
Там задыхается человек.

О чем ты, память моя, о чем?
Все тихо и пусто теперь за окном,
Как ночное небо, жизнь моя,
Но держит ее рука твоя.

III.

Ею памяти

Вот он в гробу, в георгинах и розах
Так спокойно и грустно спит;
В золотых георгинах и красных розах
Над ним тоска неотступно стоит.

И детской улыбки, лукавой и мудрой
Больше не будет на бледных устах;
Статный, красивый, золотокудрый
Лежит, не дышит в огнях и в цветах.

Только тревожить его не надо...
Поклонись, поцелуй, отойди!..
Свете тихий Святыя лампады,
Святая София на мертвой груди...

Посмотри, стало небо шире
Над последним домом твоим,
И в огромном нестрашном мире
Подымается светлый дым;

Затлевает свечею зеленой
Над тобою осенний клен;
Упадает луч потаенный
От кладбищенских старых икон.

Что мы помним и что мы знаем!
Вьются пчелы, шумит трава;
Только тихой душой повторяем
Вековые, святые слова.

И, светлея сквозь темный терновник,
Там, где прячется в листьях тропа,
Подымает Небесный Садовник,
Рукоять золотого серпа.

Божья Матерь! Его осени
Золотым Своим тихим плащом
И в померкшие очи взгляни,
И напомни Сыну о нем!

Он не узнан прошел меж людьми,
Светел духом, прекрасен лицом;
Ты Своею рукой его руку возьми
И напомни Сыну о нем!

И когда загорится небо вдали
Золотым и лазурным огнем,
Подыми его с черной и дикой земли
И напомни Сыну о нем!

СПУТНИК.

I

На тех путях, где гаснут все печали,
Когда тебя виденья посещали,
Скажи, ты вспоминал меня?
А если нет, зачем порой дрожу я,
Дыханье затаив,
И слышится, всю душу мне волнуя,
Таинственный призыв?

В девятый день, в шестом часу я знала,
Что небо вздрагивает надо мной,
А воздух полон был стеклянной тишиной,
И воздуху мне показалось мало,
И тихо треснуло стекло, звеня...

Спустилась ночь; но в этой ночи полной
И синевы, и света, и огня,
Нет, не лазурь!
—Там прокатились волны
Незримых бурь..

Под небом, аметиста лиловее,
Под золотой безмолвною грозой
По имени назвать тебя не смею,
Узнать не смею образ твой!

Как в церкви, в комнате я стала на колени
И, явственно, Господь Духов
Прошел пред сонмами видений
Средь озаренных облаков.

Разлуки нет; и все слилось в едином,
Мир разомкнулся комнатой моей...
За Человеческим, за Божьим Сыном
Мы в свет вступили из теней.

II

...И Кто-то добрый руку мне
На сердце положил,
И мы проснулись в той стране,
Где не было могил.

И убегал песчаный путь
Широкою волной,
И было весело вздохнуть
Лазурной глубиной;

И ветер сразу заметал
За нами легкий след,
И спутник медленно сказал:
«Ничьих следов здесь нет.»

III

И тихо книгу развернул,
И хлынуло от букв сиянье;
С тех пор повсюду нас в скитанье
Сопровождал далекий гул.

И по блистающей странице
Живая радуга текла,
Лазурная сменялась мгла
Быстробегущею зарницей.

И спутник мне сказал: «Взгляни!»
И мне явилось из тумана:
Болото, круглая поляна,
Трепещет лист, чернеют пни,

И дышит сыростью лесною
Зари июльской тишина;
За той болотной глубиною
Не сыщешь, не почуешь дна.

Я все припомнила: не внове
Поляны этой бедный вид;
Так нить сбегает по основе,
Крестом легла, и вновь бежит.

IV

А там озер узорные иконы,
Оклады проросли высокою травой...
Пойди туда—потонешь с головой
В душистый аир и тростник зеленый...

Подводный благовест летит издалека,
Я не пойму торжественного гула...
Но спутника спокойная рука
Страницу предо мной перевернула.

V

Инеем, как шубой, лес одет...
Много, много промчалось лет,
Что же опять скрипят снега,
И по колено тонет нога?

В землю врос и накрылся сугробом скит
И Пречистая ждет, и с иконы глядит,
Не идут ли волхвы из Заволжских стран,
Не спешит ли по синим снегам караван.

В том лесу я забытую юность мою
Вижу снова, и снова люблю
Такой же чистой, как в те года...
Их не забудешь никогда!

И тот, кто со мною в лесу бродил,
Кто меня любил, а потом забыл,
И его черты в твоих чертах,
О, спутник мой, в золотых песках!

И песок ли это или снега
Покрыли синие берега,—
—Воспоминанья быстрый ток
Меня уносит на восток.

VI

... И опять пески и пески,
И лепечет о чем-то вода;
Золотыми копьями тростники,
Потонули в заводи города.

И навстречу идет сестра,
По волнам неслышно скользит,
Раскаленным углем костра
Завиток золотой горит.

Ты такою за гробом шла,
И букетик все тот же в руках,
Но теперь за плечами крыла
И чело твое в синих звездах.

Улыбается спутник мой,
И подводный слышнее звон,
За лазурной клубящейся тьмой
И хоругви, и лики икон.

Взявшись за руки, мы идем,
Не оступимся на волне,
В тихий сад и в Господень дом,
Где бывали мы только во сне.

VII

И спутника больше со мною нет,
Он ушел в тот немеркнущий Божий свет,

Куда и я придти должна,
Но дорога туда—темна.

Он велел мне петь, и я пою,
Я внимательно слушаю душу мою,

Душа моя знает, что нам суждено,
А самой мне знать—не дано.

Уходя, он сказал: «В тот Божий дом
Мы завтра вместе с тобой войдем.»

СОДЕРЖАНИЕ.

I.

	стран.
Ты возникаешь предо мной	9
Русь! Чужая чужениика я	10
Снова жег мне чей то взор затылок	11
Данков	12
Извечную печаль таит в себе природа	13
Кремль	14
У памятника Гоголя	15
Осыпается в синь сирень	16
Вячеславу Иванову	17
Летний сад	18
Ломают дом, а день совсем пустой	20
Берегом, берегом, с разбегу	21

II.

Обветренный и загорелый, как матрос	25
И все, что с детства звучало и снилось	26
Судьбе, душа, не прекословь	27
По силам мне любовь моя	28
Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою	29

стр.
Спишь с открытыми глазами 30
Книга о тихом Китеже граде 31
Поставь свечу перед Казанской 32
Запомнить все, отметить и сберечь 33
Мороз разбойник хозяин здесь 34
Недобрая ночь с недоброй тоской 35
Все снится мне за мглою влажной 36
И звезды все те же над домом твоим . . . 37
Морской холодный, мокрый ветер 38
Легла крестом по небу туча 39
И день прошел, и ночь близка 40
Все, что любила, позабыла 41
Уснут и муки и восторги 42
Когда бы гневом и укором 43
Покой и труд 44
Прямая улица, заря вдали 45
Все, как в детстве, как бывало 46
Про Летний сад с улыбкой он сказал . . . 47
Всю долгую ночь я брожу кругом 48

III. Его памяти.

Вот он в гробу в георгинах и розах 51
Посмотри, стало небо шире 52
Божья Матерь! Его осени 53
Спутник 54